

Ярослав Голубинов

Панченко, Анатолий (под ред.). 2022. “Ах, скорее бы мир!” Письма прапорщика Д. И. Шишакина. 1914–1918 гг. (Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека)

Неожиданные находки подстерегают на каждом шагу. Так, в 1990-е годы историк Анатолий Михайлович Панченко¹ приобрел на рынке в Новосибирске у частного лица несколько десятков документов, созданных в годы Первой мировой войны (Ах, скорее бы мир, 2022: 7) и оказавшихся серией писем с фронта домой в Самару некоего прапорщика, не попадавшего до того в поле внимания исследователей.

Именно эти документы представлены в рецензируемом издании, подготовленном Анатолием Михайловичем Панченко, Ириной Сергеевной Трояк, Александром Григорьевичем Минаковым и Дарьей Леонидовной Шереметьевой. Комплекс опубликованных источников включает 84 письма и почтовые карточки, отправленные в 1914–1918 годы Дмитрием Ивановичем Шишакиным, призванным в русскую императорскую армию жителем Самарской губернии, своей супруге — Лидии Константиновне Шишакиной (в девичестве Вержбовской), а также три его послания (одно из них на почтовой карточке) детям — сыновьям Борису и Вадиму (у супругов еще была дочь Галина). Кроме того, опубликованы послания к нему от супруги (четыре письма) и сына (одно письмо от Бориса). Присутствует некоторая путаница в указании общего числа дошедших до нас документов переписки семьи Шишакиных. Так, Панченко в статье, посвященной описанию этого комплекса источников, упомянул о хранящихся в его собрании 87 письмах (78 — супруге от главы семейства, пять детям и четыре к нему от жены) (Панченко 2021: 23). По-видимому, какие-то почтовые карточки были в этом случае не включены в общий итог, или письма до-

¹ Об Анатолии Михайловиче Панченко, замечательном исследователе истории библиотечного дела в России, см. подробнее в биобиблиографическом сборнике, подготовленном его коллегами (Кузнецова et al. 2018).

чери Галине позднее были атрибутированы уже как письма супруге, поскольку Шишакин отправлял их дочери с пометкой “для мамы” на адрес учебного заведения, опасаясь, что из-за перемены места жительства почта может затеряться.

Публикуемые письма снабжены примечаниями, раскрывающими подробности фронтовой жизни и биографии сослуживцев и начальников Шишакина, а также справочной информацией о работе продовольственных транспортов армии (в одном из них служил автор писем), и представлены еще извлечения из положения о военной цензуре. В целом оформление работы производит приятное впечатление, но иногда видны следы поспешной редактуры. Так, в примечании № 17 можно видеть вопрос, оставленный, судя по всему, кем-то из публикаторов, но так и не убранный при окончательной верстке: “Как далеко от линии фронта обычно должен был находиться продовольственный транспорт?” (Панченко 2022: 197). Однако эти мелочи, во-первых, не снижают научную важность текста, и, во-вторых, никак не мешают чтению.

До настоящего времени подробности биографии Шишакина известны далеко не все. Так, не ясны не только его сословное положение, но и даты рождения и смерти, а также подробности жизни до войны кроме тех, что он упомянул в письмах. Остается загадкой судьба Шишакина после Брестского мира (последнее его письмо датировано 13 февраля 1918 года).

Авторы предисловия Панченко и Трояк установили, что Д. И. Шишакин — сын чиновника Ивана Павловича Шишакина, который управлял Бугульминским имением, входившим в Самарский удельный округ (Панченко 2022: 12). В официальной периодике можно найти сведения, что крестьянин Иван Шишакин был удостоен в 1882 году звания личного почетного гражданина (*Сенатские ведомости* 1882: 168), а через 20 лет уволен со службы по болезни в чине надворного советника (*Сенатские ведомости* 1902: 1). Таким образом, Шишакин мог не быть дворянином (Иван Павлович Шишакин не успел дослужиться до нужного чина, дававшего потомственное дворянство), но, по крайней мере, мог принадлежать к сословию потомственных почетных граждан.

Также известно, что Шишакин закончил реальное училище и работал до Первой мировой войны химиком на Тимашевском сахарорафинадном заводе, принадлежащем удельному ведомству. Супруга Шишакина была дочерью чиновника, служившего на том же заводе. В 1905 году Шишакин отбыл “шестинедельные военные

сборы как вольноопределяющийся (нижний чин) запаса и сдал экзамен на чин прапорщика” (Панченко 2022: 12), и 29 ноября того же года он был произведен в прапорщики запаса армейской пехоты (*Русский инвалид* 1905: 1). После начала Первой мировой войны и объявления призыва Шишакин был определен в 330-й пехотный Златоустовский полк и оказался в военном лагере под Уфой, откуда и отправился на фронт. Однако большую часть войны он прослужил в корпусном продовольственном транспорте 30-го армейского корпуса и находился всегда на некотором расстоянии от передовой, а противниками, которых он видел и опасался, были только вражеские аэропланы. “Милые мошки”, как он их называл, уповая, например, в ноябре 1916 года, что “скоро будут дожди и кончится сезон” самолетов, вынуждающих постоянно заниматься маскировкой (Панченко 2022: 110).

Карьера Шишакина до войны и обстоятельства армейской службы (насколько можно ее представить по имеющейся информации) позволяют рассматривать его как типичного обывателя, но не только в смысле официальной принадлежности к городскому обществу, но и в смысле культурного типажа. Хотя автор писем был, если смотреть на показатели грамотности в Российской империи и императорской армии, образованным человеком, и комплекса поведенческих практик (например, стремление к личной выгоде, его желание избежать любой опасности, иногда даже, по-видимому, симулируя или преувеличивая физическое недомогание) вполне соответствует литературному образу типичного обывателя-мещанина.

Панченко и Трояк увидели ценность писем Шишакина в том, что эти документы, во-первых, проливают свет на характер управления продовольственным транспортом, делопроизводственная документация которого, судя по всему, утрачена. Во-вторых, письма позволяют оценить психоэмоциональное состояние именно “маленького человека”, оказавшегося на мировой войне, а затем и вовлеченного в революцию. Таким образом, можно увидеть “всеобщее, глобальное, общечеловеческое через призму конкретной личности” (Панченко 2022: 9). Можно согласиться с этими утверждениями публикаторов, равно как и с тем, что из писем исследователи почерпнут много любопытных подробностей фронтового и тылового быта, повседневной жизни русской императорской армии в годы Первой мировой войны.

В письмах Шишакина постоянно проводится сопоставление фронта и дома, семьи и сослуживцев, даже природа и климат в местах дислокации сравниваются с таковыми в Самаре. Очень характерны записи, как в письме 3 ноября 1915 года:

Ничто кругом меня не интересует и в голове только Лидуся да маленькие Галя, Боря и Вадя. Наши офицеры находят утешение в картах, хотя играют и не в азартные игры. Я же не могу этим заниматься без скуки и отвращения. Через $\frac{1}{2}$ –1 час они мне делаются противными, и я перестаю следить за игрой (Панченко 2022: 43).

Шишакин существовал всегда как бы в двух временных линиях одновременно. Его темпоральные практики (организации времени) были подчинены требованиям фронтовой жизни, приказам начальства, и в тот же самый момент письма показывали, что он абсолютно всегда оставался в ритме жизни своей семьи в Самаре. Так, в письме от 6 ноября 1915 года, например, он спрашивал об успехах сыновей в чистописании, волновался за кляксы в их письмах и тетрадях, интересовался уроками дочери, а 3 мая 1916 года воображал как “после ванны в одном белье и туфлях почитал бы у себя в кабинете газету” (Панченко 2022: 48, 91). И такие мечты, советы, волнения транслировались Шишакиным в каждом письме домой, совпадая, в общем и целом с настроениями супруги. Лидия Константиновна Шишакина, судя по всему, испытывала большие трудности, оставшись одна, пусть супруг и старался регулярно пересылать ей жалованье и какие-то вещи из прифронтовых городов. Особенно характерно письмо от 8 декабря 1915 года, в котором она честно пишет мужу о своей усталости и тоске в преддверии Рождества и Нового года (Панченко 2022: 192). Стоит отметить, что супруги Шишакины были необычайно честны и смелы в выражении своих чувств. Особенно эмоции зашкаливали у Шишакина, впадавшего временами в какую-то экзальтацию и пересыпавшего текст уменьшительно-ласкательными именами, словами о поцелуях и т.п., хотя сам же предупреждал своих солдат, чтобы они лишнего в письмах не писали (Панченко 2022: 90).

Любопытно, что переключаться между временем фронта и тыла, менять темпоральную оптику Шишакину помогали также книги (их, правда, на фронте было у него немного и те, что ему попадались, не слишком нравились) и газеты. Жалобы на отсутствие по-

следних, их запаздывание, а также радостные возгласы, когда их доставляли относительно свежими, есть практически в каждом письме. Особенно жажда новостей стала нестерпимой в период революции 1917 года, потому что политическая ситуация менялась чуть ли не каждый день, и знакомство с перипетиями борьбы партий в Петрограде и вообще в тылу стало насущной задачей каждого сознательного гражданина (а Шишакин, в общем, хотел им казаться).

Вообще, он признавался, что его “война ужасно состарила и научила быть серьезным”, а “если бы не было войны”, то он “прыгал и до сих пор” (Панченко 2022: 173). Письма в марте 1917 года хорошо показывают, как изменились взгляды Шишакина, а беззаботное время игры в карты с начальником и товарищами сменило беспокойная пора, когда привычный мир рушился на глазах. Шишакиным с тревогой отмечал, что “командир наш выбит из колеи и переменился окончательно” (автор писем подозревал, что его начальника преследовали мысли о самоубийстве), но и сам Шишакин тоже стал другим.

Думается, что дальнейшее изучение биографии Шишакина (вполне возможно, после находок других эго-документов, созданных им и членами его семьи) глубже и точнее раскроет картину того смятения, что творилось в душах российских “маленьких людей” в время Первой мировой войны и революционных вихрей, покончивших с империей в 1917 году. Тогда исследователи смогут, наконец, успокоить дух несчастного прапорщика, в отчаянии писавшего супруге в феврале 1918 года:

Мне хочется, чтобы кто-нибудь сказал, что я все сделал, все было возможно. Мне хочется, чтобы мне сказали, что я честно исполнил свой долг гражданина и солдата (Панченко 2022: 182)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01430.

Библиография

Кузнецова *et al.* 2018: Кузнецова, Ирина и Тимофеева, Юлия (под ред.). 2018. *Анатолий Михайлович Панченко: биобиблиографический указатель: к 60-летию со дня рождения* (Санкт-Петербург; Новосибирск: ГПНТБ).

Панченко 2021: Панченко, Анатолий. 2021. 'Обзор частной коллекции фронтовых писем Первой мировой войны, адресованных в Самару', в *Национальное культурное наследие России: региональный аспект: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК, Самара, 14–15 мая 2021 года*, под ред. Анатолия Панченко и Юлии Тимофеевой (Самара: Самарский государственный институт культуры), 22–26.

Панченко 2022: Панченко, Анатолий (под ред.). 2022. "Ах, скорее бы мир!" Письма прапорщика Д. И. Шишакина. 1914–1918 гг. (Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека).

Русский инвалид 1905: *Русский инвалид*, № 250, 1905.

Сенатские ведомости 1882: *Сенатские ведомости.*, № 39, 1882.

Сенатские ведомости. 1902: *Сенатские ведомости*, № 70, 1902.